Б 351
Бебель А.
Крестьянские войны в Германии
М; 1906
БЧ

и

КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

О. Н. ПОПОВОЙ

(бывш. Черкесова).

№ 21381

С.-Петербургъ, Невскій просп., 54.

Издательство и книжный магазинъ О. Н. ПОПОВОЙ.

(5949).

1959

БИБЛИОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
(О. К. ПОПОВОЙ)
№ 21381
Ц 3 р 15 руб.
С.П.Б. НЕВСКИЙ Д. № 64

Y/XI 906 Коншков

БЧ

37

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

№ 67070 ик

21381

А. БЕБЕЛЬ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Складъ изданій:
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. ЕФИМОВА.
1907.

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ".

		цѣна
1.	*В. М. Хвостовъ.* Права и значеніе народнаго представительства	8 к.
2.	*Г. Закъ.* Смертная казнь	10 „
3.	*А. Никлаевъ.* Для чего нужно всеобщее обученіе	10 „
4.	*Н. Ивановъ.* Изъ русской старины: Бунтъ Стеньки Разина	8 „
5.	*А. К. Дживелеговъ.* Права и обязанности гражданъ	8 „
6.	*Н. Е. Кудринъ.* Какъ организовать выборы	3 „
7.	*Л. Гинзбургъ.* Евреи въ Россіи	12 „
8.	*Г. Закъ* Лассаль и его время	8 „
9.	*А. Николаевъ.* Интеллигенція и народъ	10 „
10.	*Д. Гремяченскій.* Какъ составляются законы	8 „
11.	*В. Львовъ-Рогачевскій.* Печать и цензура	20 „
12.	*А. Житковъ.* О налогахъ	6 „
13.	*В. О.* Государственное обложеніе въ Россіи	10 „
14.	*В. У.* Какіе нужны порядки?	5 „
15.	*Н. Ивановъ.* Что такое политическая партія	3 „
16.	*А. К. Дживелеговъ.* О конституціи и конституціонномъ порядкѣ	6 „
17.	*Бѣлевскій-Бѣлорусовъ.* Бабы	3 „
18.	*А. К. Дживелеговъ.* Армяне въ Россіи	10 „
19.	*А. Лосевъ.* Профессіональные союзы	6 „
20.	*Г. Балицкій.* Гражданская свобода и производительность труда	10 „
21.	*Д. Г.* Наша полиція	6 „
22.	*Ольга Волькенштейнъ.* Страна равенства и свободы	10 „
23.	*Г. Балицкій.* Забастовка и бойкотъ	8 „
24.	*Л. Дѣева.* Великая крестьянская война	6 „
25.	Что намъ нужно?	10 „
26.	*Флеровъ.* Земледѣльческіе рабочіе	10 „
27.	*Э. Ренанъ.* Жизнь Іисуса	60 „
28.	*Д. Г.* Что такое учредительное собраніе	6 „
29.	*А. М. Обуховъ.* Что нужно для выборовъ?	6 „
30.	*А. К. Дживелеговъ.* Бисмаркъ и [illegible]	8 „
31.	*д-ръ Дурново.* Приказный строй и народное хозяйство	6 „
32.	*д-ръ Шертлинъ.* Попеченіе о безработныхъ	6 „
33.	*Э. Вальянъ.* Соціальное страхованіе	8 к.
34.	*Балицкій.* Россія при Николаѣ I	8 „
35.	*Н. Сибирякъ.* Рабочій пролетаріатъ въ Россіи	8 „
36.	*О. Б. Пайеръ.* Прибавочный трудъ и прибавочная цѣнность	6 „
37.	*Н. П.* Всеобщее избирательное право	6 „
38.	*Д. Г.* О чрезвычайныхъ законахъ	6 „
39.	*А. К. Дживелеговъ.* Крестьянскія движенія на Западѣ	6 „
40.	*Рауль Іэ.* Камеры соглашенія во Франціи	3
41.	О 8-ми час. рабоч. днѣ,—докладъ Фабіанскаго О-ва.	6 „
42.	*А. К. Дживелеговъ.* Голодовки въ средніе вѣка	6 „
43.	*А. Лосевъ.* Торговые служащіе	8 „

9(43)1
Б-351

А. Бебель.

С.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

№ 67070

1р 25к

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: МОСКВА,
Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ Д. П. Ефимова.
1906.

1948

9(43)1 Реформы и крест. войны
ЛЦБ 1934 г. Проверено
Проверено 1936 г.
ИЮЯ 1939
90
60
2000
2007

МОСКВА.
Типографія П. К. Прянишникова, Цвѣтной бульваръ, д. № 21.
1906.

2128

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это сочиненіе не имѣетъ притязанія быть научнымъ изслѣдованіемъ; для этого, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно возникло, у меня не было никакихъ средствъ.

Фактическая сторона взята преимущественно изъ сочиненія Циммермана „Исторія великой крестьянской войны". Для характеристики Мюнцера, Гёца фонъ-Берлихингена и Вендель Хиплера, — трехъ лицъ, игравшихъ въ крестьянскихъ войнахъ самыя вліятельныя роли,—въ моемъ распоряженіи находились нѣкоторыя другія сочиненія. Остальной историческій матеріалъ взятъ изъ сочиненій, извѣстныхъ всякому мало-мальски начитанному въ области исторіи человѣку, ихъ не стоитъ перечислять.

Въ это сочиненіе я включилъ описаніе событій и состояній, которыя, отчасти, не имѣютъ никакого отношенія къ крестьянскимъ войнамъ, отчасти, имѣютъ только весьма отдаленное. Произошло это, такъ какъ передо мной стояла задача дать сжатую картину важнѣйшихъ освободительныхъ войнъ угнетенныхъ классовъ въ средніе вѣка, потому что читатели, для которыхъ я преимущественно писалъ это сочиненіе, рабочіе, не имѣютъ ни средствъ ни

времени заниматься изученіемъ обширныхъ и дорогихъ историческихъ сочиненій, и для нихъ имѣетъ особую цѣнность изложеніе соціальныхъ движеній среднихъ вѣковъ въ связи съ теперешнимъ движеніемъ.

Конечно, отъ меня далека мысль этимъ сочиненіемъ включить себя въ цехъ „историковъ“. Для меня дѣло шло о томъ, какъ использовать возможно полезнѣе въ интересахъ той партіи, къ которой я имѣю честь принадлежать, девятимѣсячный, вынужденный отдыхъ въ тюрьмѣ Цвикау, къ которому я былъ присужденъ за „оскорбленіе Величества“; къ тому же мнѣ казалось, что крестьянскія войны и остальныя здѣсь затронутыя средневѣковыя движенія являются въ томъ отношеніи для всѣхъ весьма полезнымъ матеріаломъ, что изъ нихъ можно почерпнуть ту еще, столь часто непризнаваемую истину, что *общественныя* отношенія различныхъ классовъ *по необходимости* вызвали всю эту борьбу и всѣ эти движенія. Точка зрѣнія, которую я въ немъ провожу, есть соціалистически-матеріалистическая, она разсматриваетъ лицъ и общественный порядокъ, какъ естественный продуктъ наличныхъ условій существованія общества.

Тюрьма Цвикау, конецъ марта 1875 года.

А. Бебель.

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
Ф. И. ЛОПАТИНА
№ II
С.-П.Б. НЕВСКІЙ П. № 54

ВВЕДЕНІЕ.

Самымъ важнымъ событіемъ средневѣковой исторіи Германіи являются крестьянскія войны. Плохой признакъ, что громадное большинство нашихъ историковъ столь мало удѣляетъ вниманія ходу общественнаго развитія, что событій крестьянскихъ войнъ касаются обыкновенно только мимоходомъ, или пытаются представить ихъ какъ произвольный взрывъ крестьянской грубости и крестьянскаго своеволія. Недостатокъ знанія и пониманія хода общественнаго развитія объясняетъ намъ то ложное и въ высшей степени одностороннее представленіе объ историческихъ событіяхъ, которымъ вообще обладаютъ вышеуказанные ученые.

Въ обыденной жизни очевидно для всякаго, способнаго мало-мальски мыслить критически, что матеріальное положеніе отдѣльныхъ лицъ имѣетъ рѣшающее значеніе для ихъ физическаго и интелектуальнаго развитія и всего ихъ жизненнаго положенія. Считаютъ чѣмъ-то необычайнымъ, исключеніемъ изъ общаго правила, если человѣкъ изъ низшихъ слоевъ общества добивается духовной и матеріальной самостоятельности и вліянія. Не существуетъ также сомнѣній въ томъ, что ступень

соціальной лѣстницы, на которой находится человѣкъ, будитъ въ немъ интересы и желанія, опредѣляющіе всю его частную и общественную дѣятельность, все его мышленіе и всѣ его поступки. Все, что справедливо относительно отдѣльныхъ лицъ, правильно и по отношенію къ общественнымъ группамъ. Стоящіе на одинаковой ступени соціальной лѣстницы образуютъ сословія и классы, объединенные опредѣленными идеями и интересами. Единообразіе интересовъ побуждаетъ людей къ объединенію для защиты своихъ интересовъ и въ случаѣ какихъ-либо посягательствъ для борьбы за нихъ. Ихъ соціальная, политическая, религіозная, какъ и вся ихъ духовная дѣятельность постоянно направлена къ достиженію своей цѣли возможно полнаго удовлетворенія своихъ интересовъ; они пытаются наложить на все общество печать своихъ сословныхъ или классовыхъ интересовъ, свои сословные или классовые интересы превратить въ интересы, какъ бы господствующіе надъ всѣмъ обществомъ.

Отсюда ясно, что никто не можетъ правильно освѣтить извѣстное время, или извѣстное историческое событіе, если нѣтъ прежде всего возможно точнаго знанія соціальнаго положенія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, существовавшихъ въ то время и игравшихъ въ томъ или иномъ событіи активную или страдающую роль. Но обыкновенно въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ мы напрасно стали бы искать изслѣдованія и изложенія соціальныхъ основаній, т.-е. общественныхъ и особенно экономическихъ отношеній людей

въ различныхъ историческихъ періодахъ. Въ результатѣ ничтожное количество источниковъ, касающихся этого вопроса, которые къ тому же оставляютъ желать многаго въ отношеніи ясности и опредѣленности.

Одностороннее толкованіе исторіи имѣетъ своимъ источникомъ то обстоятельство, что въ историческомъ развитіи не видятъ результата опредѣленныхъ законовъ, находящихся внѣ власти отдѣльныхъ личностей, какъ бы могущественны и геніальны они не были, но что господствуетъ мнѣніе, согласно которому историческое развитіе носитъ такой характеръ, какой заблагоразсудится ему придать отдѣльнымъ могущественнымъ и умственно выдающимся лицамъ. Отъ добродѣтелей и пороковъ этихъ отдѣльныхъ выдающихся людей будто бы зависитъ тотъ или иной ходъ, хорошіе или дурные результаты историческаго и тѣсно съ нимъ связаннаго культурнаго развитія всего народа.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого способа мышленія является культъ героевъ и великихъ людей отталкивающія формы котораго одинаково широко проникли, какъ въ наши историческія книги, такъ и въ обыденную жизнь, который отдѣльныхъ выдающихся людей превозноситъ въ ущербъ общимъ силамъ и общей духовной мощи всего народа, который не признаетъ личность случайнымъ орудіемъ въ рукахъ все двигающей и рѣшающей силы народа, а въ самой личности видитъ силу, которая какъ своего рода Провидѣніе руководитъ и ведетъ народъ по своему благоусмотрѣнію.

Такое пониманіе исторіи находится во внутренней связи со спиритуалистическимъ міровоззрѣніемъ и въ противорѣчіи съ матеріалистическимъ. Оно покоится на искусственномъ отдѣленіи того, что называется духомъ времени, отъ тѣла народа; оно приписываетъ этому духу времени возникновеніе внѣ зависимости отъ матеріальныхъ условій существованія народа; оно произвольно приписываетъ его возникновеніе руководителямъ народа и время отъ времени такъ же произвольно даетъ ему новое направленіе помощью такъ называемыхъ великихъ людей. Такое пониманіе исторіи переворачиваетъ всѣ событія по сравненію съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ вверхъ ногами. Въ его глазахъ все случайно, все развитіе человѣчества есть только продуктъ дѣятельности отдѣльныхъ, совершенно исключительно одаренныхъ личностей, которыхъ человѣчество, конечно, не можетъ въ достаточной мѣрѣ отблагодарить и, молясь на которыхъ, оно должно валяться въ пыли и ползать на брюхѣ.

Такое пониманіе исторіи, покоящееся на вѣрѣ въ авторитетъ, возникло въ экономически неразвитомъ и, слѣдовательно, въ умственно отсталомъ обществѣ; его доселѣ учатъ, о немъ заботятся, ему покровительствуютъ, *такъ какъ оно является условіемъ существованія властвующихъ*. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ съ арены исторіи вѣры въ авторитетъ, вмѣстѣ съ признаніемъ, что условія жизни и прогресса человѣчества вообще и каждаго отдѣльнаго народа въ частности обусловливаютъ также и политическое развитіе, исчезли всѣ безъ исключенія

авторитеты, окончился культъ отдѣльныхъ личностей и народъ взялъ въ свои руки свою судьбу.

Потому-то историки, вѣрующіе въ авторитеты и проповѣдующіе ихъ, такъ энергично идутъ рука объ руку съ религіей. Исторія, нуждающаяся въ авторитетахъ, исходитъ, какъ и религія, изъ одного и того же источника,—изъ невѣжества *). Обѣ онѣ насильственно поддерживаются въ настоящее время противъ лучшаго познанія и насильственно распространяются въ народѣ, такъ какъ обѣ служатъ одной и той же цѣли—господству и эксплуатаціи. Какимъ врагомъ истиннаго прогресса человѣчества является всякій учитель религіи, такимъ же врагомъ является и историкъ, защищающій авторитеты.

Это—опасные плевелы въ народной пшеницѣ, которые необходимо выполоть.

Выше мы умышленно сказали, что обычное пониманіе исторіи покоится на спиритуалистическомъ, слѣдовательно не на идеалистическомъ міровоззрѣніе. Идеализмъ, поскольку онъ выражаетъ стремленія къ достиженію возможно совершеннаго состоянія, стремленія къ высшему усовершенствованію человѣчества—а это одно можетъ быть его истиннымъ содержаніемъ — совершенно не находится

*) Мы не подразумѣваемъ здѣсь подъ религіей такъ называемыя основныя положенія морали, или этику отношеній человѣка къ человѣку, человѣка къ природѣ и къ вселенной. Эта этика отношеній не есть религія и не имѣетъ къ ней абсолютно никакого отношенія. Религія означаетъ на нашъ взглядъ почитаніе какого-нибудь такъ называемаго высшаго существа, сопровождаемое или несопровождаемое какими-либо внѣшними формами.

въ противорѣчіи съ матеріализмомъ. Истинный идеализмъ только и можетъ быть принятъ въ расчетъ съ точки зрѣнія матеріализма, такъ какъ послѣдній учитъ и стремится къ дальнѣйшему развитію человѣчества, покоющемуся на разумныхъ соціальныхъ и природныхъ законахъ. Идеализмъ, поскольку онъ противополагается матеріализму, есть спиритуализмъ и въ своемъ крайнемъ утопизмѣ,– фантазерство.

Не нужно, конечно, разъясненій, что подъ матеріализмомъ и матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ не подразумѣвается грубая страсть къ наслажденіямъ, каковой отличается теперешняя буржуазія, не характеризующая ее дикая жадность къ деньгамъ и богатству, а воззрѣніе, согласно которому матерія является основой всей жизни и всего движенія, согласно которому отъ матеріальныхъ условій существованія зависитъ дальнѣйшее развитіе живыхъ существъ, а слѣдовательно также человѣка и человѣчества.

Растеніе для существованія нуждается въ свѣтѣ, въ воздухѣ и почвѣ, содержащей въ достаточномъ количествѣ тѣ питательныя вещества, которыя необходимы для его произрастанія. Если почва по сравненію съ его потребностями слишкомъ бѣдна, или ему не достаетъ воздуха и свѣта, то оно гибнетъ, если почва слишкомъ тучна, то оно вырождается въ траву и быстро подпадаетъ процессу гніенія. Подобно растеніямъ дѣло происходитъ и съ людьми, съ цѣлыми классами и народами человѣчества. Что для растеній мать земля, то для человѣка экономическое положеніе, въ которомъ онъ

живетъ, свѣтъ и воздухъ для него государственныя учрежденія, которыя его окружаютъ. Плохо экономическое положеніе человѣка, враждебны ему государственныя учрежденія,—а то и другое обыкновенно идетъ въ жизни народа рука объ руку,—народъ гибнетъ. Наоборотъ, слишкомъ хорошо экономическое положеніе человѣка, владѣетъ онъ бо́льшими матеріальными средствами, чѣмъ онъ можетъ употребить при нормальномъ образѣ жизни, заботится государство только о немъ, т.-е. о томъ классѣ, къ которому онъ принадлежитъ, тогда онъ впадаетъ въ роскошь и развратъ, онъ вырождается, какъ и растеніе въ траву, подвергается растлѣнію и гніетъ. Это подтверждаетъ знакомство съ господствующими и угнетенными классами всѣхъ народовъ.

Всякій господствующій классъ стремится и долженъ стремиться скрыть отъ угнетенныхъ все, что можетъ подорвать его авторитетъ, авторитетъ господствующаго класса. Эта необходимость, коренящаяся въ природѣ самаго господства, объясняетъ намъ, почему въ наше время, далеко ушедшее по пути нужныхъ изслѣдованій и открытій, еще находитъ подъ собой почву и пользуется такимъ вліяніемъ столь устарѣлое пониманіе исторіи. Сторонники его всѣ безъ исключенія друзья какой-нибудь формы господства, защитники власти и той или иной религіи. Классовое господство, историческая вѣра въ авторитеты и религія тѣсно связаны слѣдовательно между собой, господствуютъ и падаютъ вмѣстѣ. Съ измѣненіемъ каждой фазы классоваго господства измѣняются по крайней мѣрѣ, хотя внѣш-

нія формы вѣры въ политическіе авторитеты и религія. При каждой борьбѣ съ существующимъ классовымъ господствомъ поэтому происходитъ борьба и съ существующей вѣрой въ политическіе авторитеты и съ существующей религіей, и въ результатѣ всякая борьба противъ классоваго господства ведетъ за собою борьбу противъ вѣры въ политическіе авторитеты и противъ религіи. При наличности тѣсной связи соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ учрежденій не было и не можетъ быть чисто политическихъ и религіозныхъ революцій или реформацій, всѣ движенія происходили и происходятъ на почвѣ соціальныхъ причинъ.

Такимъ образомъ и реформація была въ дѣйствительности только точно соотвѣтствующимъ религіознымъ выраженіемъ соціально-политическаго движенія, которое въ концѣ концовъ, во время великихъ крестьянскихъ войнъ, было доведено самымъ многочисленнымъ и угнетеннымъ классомъ, крестьянствомъ, до насильственнаго взрыва. Поэтому согласно нашему пониманію самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи Германіи среднихъ вѣковъ является не церковная реформація, а далеко непонятыя большинствомъ нашихъ историковъ, а потому и мало ихъ интересующія крестьянскія войны.

Вмѣстѣ съ подавленіемъ германскихъ крестьянъ понесла пораженіе и реформація, съ этого момента она превратилась въ орудіе въ рукахъ князей. Послѣдніе выиграли больше всего въ борьбѣ того времени; свою власть они поставили на мѣсто тысячеголовой власти мелкаго дворянства и духовенства,

и положили этимъ первыя основанія политической централизаціи, которая была необходима для развитія новѣйшей буржуазіи, медленно нарождавшейся въ то время. Крестьянское сословіе, пытавшееся создать вмѣсто территоріальныхъ централизацій княжеской власти единую централизованную имперскую власть, не достигло поставленной цѣли, потому что было слишкомъ неразвито въ экономическомъ отношеніи, а дворянство и духовенство въ союзѣ съ князьями по сравненію съ нимъ слишкомъ могущественно, города же, единственные союзники, на которыхъ крестьянство могло разсчитывать, стали въ силу многообразія ихъ матеріальныхъ интересовъ его друзьями только наполовину, держались благосклоннаго нейтралитета, но нерѣдко вступали даже въ ряды его враговъ.

Различныя положенія, которыя заняли во время крестьянскихъ войнъ разнообразные сословные слои средневѣкового общества, даютъ самыя интересныя доказательства въ пользу того взгляда, что если не считать отдѣльныхъ личностей, возвышающихся надъ классовыми предразсудками и классовыми интересами, какъ идеалистовъ, выступающихъ за угнетенныхъ,—политическій и религіозный характеръ партій опредѣляютъ только матеріальные, слѣдовательно сословные и классовые интересы.

Конечно, *возможность* экономическаго развитія народа зависитъ прежде всего отъ характера почвы, ея плодородія, климата и географическаго положенія страны, которую онъ населяетъ. Эти факторы образуютъ такъ сказать первичную матерію, кото-

рая только и дѣлаетъ возможнымъ существованіе человѣчества и препятствуетъ или способствуетъ его дальнѣйшему развитію. Отъ этихъ факторовъ зависитъ главнымъ образомъ природа и характеръ народа. Но разъ только стало возможнымъ экономическое развитіе, оно уже опредѣляетъ соціальное разслоеніе и обусловливаетъ соотвѣтствующія ему формы государства и религіи.

До тѣхъ поръ, пока исторія не поставитъ себѣ задачей основательное изслѣдованіе соціальныхъ отношеній параллельно съ изученіемъ географическаго и климатическаго положенія, характера почвы и плодородія страны, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о правильномъ представленіи и полномъ пониманіи исторической жизни какого-нибудь народа.

Согласно всему этому первой задачей этого сочиненія должна быть попытка обрисовать ходъ экономическаго развитія классовъ, сыгравшихъ свою роль въ крестьянскихъ войнахъ.

Крестьянскія войны въ Германіи.

I.

Крѣпостные и зависимые, дворянство и духовенство.

Кто „говоритъ о первоначальной свободѣ“ и счастливомъ состояніи, въ которомъ будто бы находились наши предки въ древности, тотъ раздѣляетъ точку зрѣнія библіи, которая утверждаетъ, что люди нѣкогда пользовались всѣми благами и радостями жизни, но, изгнанные изъ рая по ихъ собственной винѣ, становились все несчастнѣе и несчастнѣе, и что теперь нашей ближайшей задачей должно быть стремленіе,—воротить „доброе старое время“. Нѣтъ, истинной свободы еще не было никогда на землѣ, она можетъ быть только слѣдствіемъ равенства, такого строя, при которомъ никто не господствуетъ, никто не эксплуатируется, и равное благосостояніе всѣхъ является руководящимъ принципомъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Но такой строй возможенъ лишь въ обществѣ, которое уже пережило всѣ фазы классоваго развитія и, во всеоружіи высокой культуры, въ состояніи доставить каждому своему члену возможность въ достаточной

мѣрѣ пользоваться наслажденіями и богатствами жизни.

Въ обществѣ же, гдѣ земледѣліе является важнѣйшимъ занятіемъ народа, только что вступившаго въ періодъ осѣдлой жизни, и образуетъ главный источникъ его существованія, гдѣ земля обрабатывается самыми первобытными орудіями и требуетъ особенно большого напряженія физическихъ силъ, тамъ у сильнѣйшаго всегда достаточно мотивовъ, заставить болѣе слабаго служить себѣ, захватить уже обработанную или болѣе плодородную землю, чтобы облегчить себѣ трудъ и, закрѣпивъ такимъ образомъ создавшееся положеніе, превратить его въ постоянное господство. Тамъ не можетъ быть рѣчи о свободѣ и всеобщемъ благосостояніи. Тамъ рабство въ земельныхъ отношеніяхъ является необходимымъ слѣдствіемъ.

И дѣйствительно, оказывается, что въ Германіи, согласно первымъ достовѣрнымъ источникамъ о внутренней ея жизни, такой порядокъ существовалъ въ ярко выраженной формѣ уже въ первые вѣка нашей эры. Все населеніе страны рѣзко распадалось на два обособленныхъ класса. Господствующій классъ составляли свободные: они дѣлились на знатныхъ или абелитовъ и просто свободныхъ. Угнетенный классъ состоялъ изъ несвободныхъ людей, вся масса которыхъ въ свою очередь распадалась на крѣпостныхъ или литовъ и на рабовъ. Свободны были владѣющими, несвободные — работающими и служащими классами. Свободные были завоеватели, покорившіе подъ начальствомъ своихъ герцоговъ коренное на-

селеніе, завладѣвшіе его землей и поработившіе жившія тамъ народности, накинувъ на нихъ крѣпостное ярмо. Рабами были также захваченные въ плѣнъ во время военныхъ походовъ представители чужихъ народовъ и племенъ. Всякое изъ этихъ сословій отличалось отъ другого рѣзко отграниченнымъ правовымъ положеніемъ *).

Стоитъ только человѣку ограбить другого, лишить его собственности и свободы, какъ у него тотчасъ же является потребность своему насилію придать характеръ правового поступка. Онъ пытается создать такія правовыя нормы, которыя оправдываютъ его дѣятельность. Такимъ образомъ человѣкъ даже на низшихъ ступеняхъ культуры, обладаетъ сознаніемъ, что насиліе не есть право, а сила съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть примѣнена и по отношенію къ нему.

Чтобы избѣжать послѣдняго, онъ старается представить свой насильственный поступокъ, какъ поступокъ, основанный на правѣ и свершенный въ законномъ порядкѣ, и воспитать въ покоренномъ убѣжденіе въ „святости“ и неприкосновенности этого порядка.

Рабъ былъ вещью, товаромъ, его можно было, какъ всякую другую вещь и товаръ, продать, обмѣнить и заложить. И дѣйствительно, въ первыя столѣтія, когда торговля людьми была весьма распространена, рабу часто приходилось переживать по-

*) Изложеніе Бебеля въ этомъ пунктѣ довольно путанно. Онъ мѣшаетъ классовыя развитія разныхъ эпохъ.

№ 67070
Крестьянскія войны въ Германіи
Ленинградская
Областная Библиотека
площ. Лассаля, 3

добную судьбу. Существовали рынки, на которыхъ ежедневно выставлялось для купли продажи до 7000 рабовъ. Въ таможнѣ на рабовъ была назначена, какъ и на всякій другой товаръ, вполнѣ опредѣленная пошлина. Господинъ, въ полной власти котораго онъ находился, имѣлъ право его безнаказанно истязать, калѣчить и даже убить. Нерѣдко въ наказаніе рабовъ дѣлали скопцами; побои и пытки примѣнялись за ничтожнѣйшіе проступки. Характерной чертой ихъ правового положенія въ обществѣ было безправіе; ихъ приравнивали къ скотинѣ, и, соотвѣтственно этому, мы находимъ слѣдующее мѣсто въ саксонскомъ правѣ: „Если рабъ или рабыня, лошадь, волъ или какое-либо другое животное убѣжитъ, то“... Если рабъ искалъ въ бѣгствѣ выхода изъ своего отчаяннаго положенія, ему отказывали въ гостепріимствѣ, которое по отношенію къ свободному было свято и проводилось съ педантичной добросовѣстностью, его выдавали безъ всякаго милосердія прежнему мучителю для наказанія. Безправнымъ и безчестнымъ считался онъ передъ судомъ. Ему не вѣрили, согласно существовавшему праву, если онъ на судебномъ слѣдствіи, съ неопровержимыми доказательствами на рукахъ, обвинялъ своего господина.

Крѣпостной отличался отъ раба въ томъ отношеніи, что не могъ быть проданъ или обмѣненъ, какъ какая-нибудь вещь, по усмотрѣнію своего господина, и не переходилъ по наслѣдству въ руки дочерей, которыя по древне-германскому закону были лишены права наслѣдовать недвижимость. Онъ

былъ прикрѣпленъ къ своему тяглу, получалъ отъ господина клочекъ земли для обработки, за что долженъ былъ платить оброкъ и отбывать повинности и барщину. Господинъ являлся на судѣ представителемъ его интересовъ. За свершенное преступленіе крѣпостной подвергался подобно рабу тѣлеснымъ наказаніямъ и лишенію жизни, между тѣмъ, какъ свободный могъ откупиться отъ любого наказанія путемъ уплаты такъ называемаго вергельда, денежной пени. Отсюда видно, что различіе въ наказаніи богачей и бѣдняковъ, которое играетъ громадную роль и въ современномъ уголовномъ уложеніи, причемъ богачъ отвѣчаетъ денежнымъ штрафомъ, а бѣднякъ—тюрьмой и жизнью, установлено не теперь. Классовое господство всегда и всюду порождаетъ одинаковыя явленія.

Безправію угнетенныхъ противустояли привилегіи господъ. Народомъ были только свободные. Они издавали законы, отправляли правосудіе и держали въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ. Только свободный могъ выступать обвинителемъ противъ равнаго себѣ и быть его судьей, только онъ обладалъ правомъ носить оружіе и не платить государственныхъ налоговъ и только его личность была неприкосновенна. Тамъ же, гдѣ ему не удавалось очиститься по обвиненію въ какомъ-нибудь преступленіи клятвой своей и своихъ свидѣтелей, онъ откупался денежной пеней. Не существовало преступленія, не исключая и убійства, которое не могло бы быть искуплено цѣной золота.

Въ семейной жизни и родовыхъ отношеніяхъ также

проводилось строгое различіе между свободнымъ и несвободнымъ. Дѣти свободнаго и женщины, принадлежавшей къ крѣпостному сословію, становились крѣпостными, дѣти свободнаго и рабыни причислялись къ сословію послѣдней. Такое же правило соблюдалось и по отношенію къ дѣтямъ свободной женщины, выходившей замужъ за крѣпостного или раба, что же касается ея самой, то родители ея получали право убить ее или продать. Исключенія дѣлались только въ томъ случаѣ, если свободный, собираясь жениться на крѣпостной или рабынѣ, заранѣе отпускалъ ее на волю или, если она принадлежала другому господину, предварительно выкупалъ ее. Для свободныхъ же женщинъ не существовало никакихъ исключеній, онѣ считались находящимися подъ опекой мужчинъ неполноправными членами общества, а потому во всякомъ случаѣ становились несвободными. Дѣти, рожденныя внѣ брака отъ свободнаго и несвободной, причислялись къ сословію матери.

Въ отношеніяхъ между этими двумя классами постольку наступали нѣкоторыя отклоненія, поскольку отдѣльнымъ рабамъ удавалось получить свободу, благодаря ли милости своихъ господъ или выкупу; но эти отклоненія были столь незначительны, что не могли повліять на общій характеръ отношеній свободныхъ къ несвободнымъ. Потомки послѣднихъ, получившихъ свободу, уравнивались въ правахъ свободными только въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи. Свобода приносила, впрочемъ, мало пользы рабу, если онъ въ то же время не былъ въ состояніи

пріобрѣсти земельную собственность. Только съ ростомъ городовъ положеніе вольноотпущенныхъ измѣнилось къ лучшему: ремесло стало средствомъ къ существованію. Съ другой стороны отношенія между свободными настолько обострились, что многіе изъ низшихъ слоевъ свободнаго сословія постепенно перешли на положеніе оброчнаго собственника, или даже на положеніе крѣпостного человѣка. Причина того явленія заключалась въ различіи положенія высшаго дворянства и низшаго, владѣтельныхъ родовъ и просто — свободныхъ. Высшее дворянство было немногочисленно, но весьма состоятельно. Только 12 знатныхъ фамилій перечисляетъ одинъ древній историкъ у могущественнаго саксонскаго племени и 6 такихъ же фамилій у баварцевъ. Изъ среды этого дворянства выбирались герцоги и короли, и оно все болѣе и болѣе расширяло свою власть и свое вліяніе. Высота денежной пени служила прекраснымъ средствомъ для этой цѣли. За поврежденія или оскорбленія, нанесенныя члену знатной фамиліи, требовалась уплата несравненно болѣе значительной суммы чѣмъ та, которая полагалась за тѣ же преступленія по отношенію къ свободному. Знатные, совершившіе преступленіе по отношенію къ свободнымъ, отдѣлывались легко, но свободные, сдѣлавшіе то же по отношенію къ знатнымъ—очень тяжело. Денежная пеня для просто свободнаго человѣка достигала иногда такой высоты и взималась съ такой строгостью, что въ конецъ разоряла не только виновника, но и его родственниковъ, которые, въ случаѣ несостоятельности пер-

ваго, отвѣчали за него по существовавшему праву своимъ имуществомъ. Должность высшаго судьи и перваго государственнаго сановника находилась всегда въ рукахъ знатныхъ фамилій, допускала полнѣйшій произволъ. Грабежи и всевозможныя насилія довершали паденіе менѣе знатныхъ просто свободныхъ людей. Такимъ образомъ эксплоатація крѣпостного сословія и рабовъ, доведенная до жестокости низшимъ дворянствомъ, находила нѣкоторое возмездіе въ отношеніи высшаго дворянства къ низшему. Угнетеннымъ отъ этого, конечно, было нисколько не легче.

Что касается количественнаго соотношенія обоихъ классовъ свободныхъ и несвободныхъ, то по этому вопросу у насъ нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ. Виртъ въ своей „Исторіи германскаго народа“ опредѣляетъ число свободныхъ людей обѣихъ категорій въ 4 или 5 процентовъ всего населенія. Это число удивительно точно совпадаетъ съ процентнымъ отношеніемъ имущихъ классовъ къ неимущимъ, которое Лассаль далъ для современнаго общества.

Къ высшему и низшему дворянству присоединилось новое сословіе, которое оченъ скоро подобно первымъ принялось сосать кровь угнетеннаго народа и во много разъ увеличило его страданія. Это сословіе было христіанское духовенство. Христіанство, продуктъ разложенія древняго міра, постепенно проникло въ Германію съ юга и запада и овладѣло грубымъ и невѣжественнымъ народомъ. Борьба со старыми богами была во всякомъ случаѣ не легка. Но высшее дворянство, обладая удивительно

тонкимъ чутьемъ, которымъ вообще отличаются классы всѣхъ временъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о средствѣ для вѣрнѣйшаго порабощенія массъ, скоро поняло какое прекрасное подкрѣпленіе явилось ему въ лицѣ христіанскаго духовенства. Дворянство не преминуло воспользоваться имъ.

Выдающіяся услуги, оказанныя христіанствомъ, какъ господствующей религіей, восточному римскому государству со временъ Константина, были хорошо извѣстны франкскимъ королямъ изъ дома Меровинговъ. Они послѣдовали римскому примѣру, принявъ христіанство. Бѣдный, измученный народъ, стонавшій подъ бременемъ налоговъ, барщины и варварскаго обращенія, отданный во власть грубаго произвола настроеній и страстей своихъ благородныхъ мучителей, терявшій свои поля и хижины во время продолжительныхъ семейныхъ войнъ и вторженій завоевателей, скоро началъ серьезно прислушиваться къ проповѣди вѣры, проникшей къ нему подъ видомъ религіи бѣдныхъ и страждущихъ и, какъ казалось, обѣщавшей освобожденіе отъ рабства. Жрецы же новой вѣры, поселившись среди только что обращеннаго народа, настроили монастырей, церквей, часовенъ, завладѣли помѣстьями, людьми и скотомъ, которыми съ удивительной щедростью награждали ихъ князья; низшій слой—свободные шли за ними, подъ вліяніемъ убѣжденій проповѣдниковъ, надѣясь такимъ путемъ получить мѣсто въ царствѣ небесномъ. Они передавали добровольно свое имущество въ монастырское или церковное владѣніе,

самихъ же себя и свое потомство въ добровольное подчиненіе Церкви. Съ своей стороны послѣдняя употребляла все свое вліяніе, чтобы добиться отъ князей освобожденія рабовъ; но эти послѣдніе не получали полной свободы, выходя изъ подчиненія праву, переводились, подобно духовенству подъ сферу дѣйствія римскаго права и были обязаны отбывать барщину Церкви. Этотъ даровой трудъ много способствовалъ увеличенію богатства и вліянію послѣдней. Не гуманность, а выгода побудила духовенство къ этому шагу. Имѣнья Церкви постепенно достигли такого размѣра, что только путемъ эксплоатаціи крѣпостного труда она могла обезпечить себѣ необходимое количество рабочей силы. Вообще нѣтъ ничего неправильнѣе утвержденія нѣкоторыхъ историковъ, будто бы духовенство способствовало облегченію и уничтоженію крѣпостничества и рабства. Факты доказываютъ какъ разъ противное.

Намъ неизвѣстны случаи, когда бы духовенство предприняло освобожденіе своихъ собственныхъ крѣпостныхъ и рабовъ, а вѣдъ это было бы его первой обязанностью. Всегда и всюду съ громадной энергіей способствовало оно подчиненію массъ и съ этой цѣлью охотно оказывало услуги власти. Постоянно и неуклонно стремилось оно убѣжденіемъ, хитростью и обманомъ къ умноженію своего имущества, къ увеличенію оброковъ, усиленію барщины и пыталось отнять у раба и крѣпостного даже то немногое, что принадлежало ему по существовавшему праву. Какіе мотивы могли побудить его къ иному образу дѣйствій? Религія, которую оно ис-

повѣдало? Во-первыхъ, духовенство менѣе, чѣмъ кто-либо, слѣдовало основнымъ положеніямъ нравственности, воспринятой христіанствомъ, а затѣмъ вѣдь эта религія какъ разъ и имѣла цѣлью скрасить земное рабство и утѣшить угнетенныхъ, убаюкивая ихъ надеждой на царство небесное. Многочисленныя изреченія изъ стараго и новаго завѣта служили для оправданія рабства. Впослѣдствіи въ этомъ отношеніи особенно выдѣлился Лютеръ; онъ пытался доказать крестьянамъ, опираясь на библію и приводя многочисленные тексты, что они поступаютъ несправедливо, предъявляя требованія и подымая возстанія противъ своихъ господъ. Крестьяне же въ свою очередь оправдывали себя, опираясь на ту же библію.

Духовенство было господствующимъ сословіемъ, религія—средствомъ и орудіемъ его господства, а природѣ всякаго господства, подъ какимъ бы покровомъ оно не выступало, противорѣчитъ стремленіе къ освобожденію тѣхъ, кто является объектомъ этого господства.

Нельзя требовать, чтобы волкъ пощадилъ ягненка, или лиса—голубя, это противорѣчитъ ихъ хищной натурѣ. Вопросъ существованія заставляетъ волка растерзать овцу и побуждаетъ лису покончить съ голубемъ. Точно такъ же нельзя требовать отъ господствующаго класса, чтобы онъ уничтожилъ самъ себя, давъ порабощеннымъ добровольно права свободныхъ людей. Въ согласіи съ ученіемъ библіи, которая требуетъ отъ раба покорности и послушанія своему господину, Церковь запретила рабамъ

подъ угрозой отлученія добиваться свободы собственными силами. Она даже запрещала отпускать рабовъ на волю, если это наносило ущербъ церковному имѣнію или уменьшало церковные доходы. Она пользовалась своей духовной властью, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для увеличенія числа своихъ рабовъ и крѣпостныхъ. Такъ, между прочимъ, существовало правило, что ребенокъ, найденный передъ церковными дверями, безъ всякихъ околичностей отдается въ рабство Церкви. Въ 1294 году во времена папы Целестина V, объясняя десять заповѣдей, учили: „Христіанинъ можетъ имѣть рабомъ еврея или язычника, но онъ не можетъ ему препятствовать принять христіанство, но и послѣ этого онъ продолжаетъ оставаться рабомъ“.

Неосмотрительность, съ которой духовенство въ продолженіи среднихъ вѣковъ пользовалось своей властью для порабощенія народа, сдѣлало его ненавистнѣйшимъ сословіемъ изъ всѣхъ господствующихъ сословій. Такая ненависть со стороны угнетенныхъ станетъ намъ понятна, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Въ средніе вѣка духовенство являлось въ то же время и сословіемъ ученыхъ, хотя ученые его труды весьма незначительны и сильно переоцѣнены и преувеличены, но знаніе письма и грамоты исключительно духовенствомъ, вело за собой необходимость для князей выбирать себѣ совѣтниковъ и довѣренныхъ лицъ изъ этой среды и поручать имъ составленіе всевозможныхъ актовъ и договоровъ. Пользуясь такимъ положеніемъ, духовенство свершило цѣлый

рядъ важныхъ подлоговъ, какъ въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ своихъ довѣрителей... Оно составляло акты по содержанію противоположные тѣмъ, какими они должны были быть. И если впослѣдствіи люди, считавшіе свои права нарушенными, себя чрезмѣрно притѣсненными, обращались въ судъ, ссылаясь на заключенные договоры, то оказывалось, что содержаніе ихъ совершенно иное, чѣмъ они полагаютъ.

Такимъ образомъ, одна сторона теряла всѣ свои права и преимущества. Особенно сильно изощрялось духовенство въ подлогахъ при составленіи положеній о государственныхъ учрежденіяхъ, положеній, которыя въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ постепенно замѣнили изустныя преданія. Королевская власть стремилась къ расширенію и къ освобожденію отъ тягостной опеки и контроля честолюбиваго дворянства. Короли и духовенство были въ данномъ случаѣ естественными союзниками. Первые, основывали большія епископства и аббатства и передавали ихъ любезнымъ ихъ сердцу священникамъ. Многіе знатные дворяне, разорившись или лишившись власти и имущества въ силу закона о первородствѣ, охотно предлагали свои услуги и были согласны стать покорными слугами короля, лишь бы только получить съ титуломъ архіепископа, епископа или аббата въ свои руки управленіе этими богатыми церковными имѣніями.

Для утвержденія свой неограниченной власти короли располагали еще другимъ средствомъ. Они имѣли право, какъ высшіе представители государ-

ства, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государственными имуществами — обширными помѣстьями, лѣсами и другими земельными угодьями, назначать туда чиновниковъ подъ именемъ маркграфовъ, фальцграфовъ, лауграфовъ и ландграфовъ, фогтовъ, которые являлись тамъ представителями короля, управляли имѣніями, судили жителей и за извѣстныя обязанности по отношенію къ государству получали эти помѣстья на правахъ леннаго владѣнія. Такимъ путемъ было положено начало ленному или феодальному строю, который получалъ все болѣе широкое распространеніе.

Сначала королевскіе лены жаловались исключительно на срокъ, на періодъ занятія опредѣленной должности. Но съ теченіемъ времени привилось пожизненное назначеніе на должности, а слѣдовательно и пожизненное же пользованіе должностными ленными имѣніями или бенефиціями. Обычай, согласно которому должность переходила отъ отца къ сыну, привелъ вскорѣ къ наслѣдственной передачѣ и должностей и помѣстій. Ленники, или вассалы, заинтересованые въ такой наслѣдственной передачѣ, поддерживали другъ друга въ своихъ притязаніяхъ. Стремленіе князей превратить свою власть также въ наслѣдственную власть благопріятствовало этимъ планамъ. Если еще Карлу, такъ называемому, Великому удавалось положить предѣлъ попыткамъ вассаловъ къ независимости, то его слабымъ преемникамъ эта задача оказалась уже не посиламъ. При нихъ прежніе высшіе государственные сановники стали независимыми князьями, присвоили себѣ коро-

левскія права, а именно: право взимать пошлины и налоги, чеканить монету, творить судъ, карать смертью, и уже съ своей стороны старались создать многочисленныя кадры вассаловъ. Междуусобныя войны, разгоравшіяся все сильнѣе, насилія сильныхъ надъ слабыми создали вскорѣ такое положеніе, что ни одинъ свободный человѣкъ не былъ въ состояніи защитить свое имѣніе отъ разгрома болѣе могущественнаго сосѣда. Поглощеніе крупнаго производства мелкимъ въ наше время является въ результатѣ сложнаго экономическаго процесса, въ средніе вѣка такое поглощеніе происходило путемъ ничѣмъ не не прикрытаго насилія. Менѣе знатные свободные люди добровольно покорялись своимъ могущественнымъ сосѣдямъ и владѣли уже тогда своими имѣніями не на правахъ свободныхъ собственниковъ, а на правахъ ленниковъ—вассаловъ, присягавшихъ феодалу на вѣрность, обязанныхъ защищать его и нести военную службу, взамѣнъ этого получавшихъ съ его стороны обѣщаніе защиты на случай нападенія третьихъ лицъ. Если же свободный человѣкъ не согласился вступить въ ленныя отношенія, то онъ до тѣхъ поръ подвергался всевозможнымъ насиліямъ, до тѣхъ поръ чрезмѣрно обременялся всевозможными государственными повинностями, пока не предпочиталъ положенія вассала положенію независимаго свободнаго человѣка. Подобно свѣтскимъ властителямъ поступали и духовные владыки. Число епископствъ и аббатствъ стало весьма значительнымъ. Одинъ Карлъ Великій основалъ не менѣе восьми епископствъ и даровалъ имъ большія привилегіи.

Управляя государствомъ, онъ держался правила пользоваться могуществомъ духовнаго сословія для борьбы съ дворянствомъ; онъ же является истиннымъ основателемъ свѣтской власти папы. При его слабыхъ преемникахъ положеніе совершенно измѣнилось, не духовенство уже являлось орудіемъ въ рукахъ королей, а короли стали орудіемъ духовенства. Римскій титулъ императора, принятый Карломъ Великимъ, сдѣлался той приманкой, которой пользовалось папство по отношенію къ королямъ. Въ длившейся вѣками борьбѣ между духовной и свѣтской властью расплачиваться, какъ всегда, приходилось народу. Ослабленіе императорской власти, какъ результатъ этой борьбы, было какъ разъ на руку свѣтскимъ и духовнымъ владыкамъ. Они смотрѣли на народъ, только какъ на объектъ своей эксплоатаціи, изъ котораго пытались выжать возможно больше соковъ; народу приходилось платиться новыми поборами и новыми обязанностями за каждый шагъ по пути прогресса, обусловленнаго ростомъ народонаселенія, улучшенными способами земельной культуры и развитіемъ торговли продуктами земледѣлія и промышленности. Роскошь и расточительность дворянства и духовенства росла съ каждымъ десятилѣтіемъ, политическое же безправіе и невѣжество массъ оставалось прежнимъ.

Большая часть дворянства и духовенства по своей грубости и невѣжеству немногимъ отличалась отъ массы народонаселенія; у класса, которому не приходится вести борьбу за власть и у котораго по-

этому нѣтъ достаточныхъ основаній способствовать развитію образованія, потребность къ образованію выражена обыкновенно весьма слабо. Стремленіе къ образованію ради самаго образованія присуще только отдѣльнымъ, богато одареннымъ натурамъ. Господствующіе классы всегда обладаютъ вполнѣ естественнымъ желаніемъ не дѣлать общимъ достояніемъ даже то образованіе, которымъ они пользуются и которое вполнѣ удовлетворяетъ ихъ потребности, потребности господствующаго класса. Этимъ объясняется то обстоятельство, что все средневѣковое дворянство, господствовавшее въ теченіе многихъ поколѣній и насчитывающее въ своемъ составѣ милліоны людей, ни на шагъ не подвинуло дѣло культурнаго развитія человѣчества. Если бы было возможно вычеркнуть изъ исторіи существованіе дворянства, то при этомъ ничего не было бы потеряно, ибо ничего полезнаго оно не создало. Его существованіе было естественно-необходимо, какъ естественно-необходимо все, что существуетъ, хотя ни въ коемъ случаѣ не разумно, какъ утверждаетъ Гегель. Это сословіе являлось естественнымъ продуктомъ простыхъ экономическихъ отношеній, и его господство могло кончиться только съ исчезновеніемъ того общественнаго строя, который его породилъ. И въ этомъ заключается и объясненіе и оправданіе его существованія. Добродѣтели и пороки дворянства являются также естественными слѣдствіями обстановки, обусловившей существованіе этого сословія. Рыцарская храбрость и отвага взяла свое начало изъ страсти къ грабежу,

завоеваніямъ и угнетенію; богобоязненность, ны
сколько вообще о ней можно говорить, существ
вала только какъ продуктъ невѣжества; невѣжест
же и распутство являлись слѣдствіемъ полнаго
сутствія необходимости личныхъ усилій для подд
жанія своего существованія и для занятія опред
леннаго положенія въ обществѣ; это положеніе
висѣло только отъ принадлежности къ извѣстно
сословію и рѣдко выраженнымъ животнымъ ка
ствамъ храбрости и отваги.

Духовнымъ безплодіемъ отличался и тотъ періо
жизни дворянства, который, по мнѣнію историко
бредящихъ романтизмомъ, должно разсматрива
какъ блестящій періодъ, именно время миннезен
ровъ, т.-е. пѣвцовъ любви, въ XII и XIII столѣ
Дѣятельность этихъ миннезенгеровъ заключала
главнымъ образомъ въ воспѣваніи въ поэтическ
формѣ внѣшней женской прелести и красоты; для в
бужденія рыцарскаго сладострастія серьезныя те
ихъ не интересовали. Онѣ не имѣли никакого от
шенія къ предмету рыцарски-романтическихъ ф
тазій, склонностей и страстей. Кому такое мнѣ
показалось бы не вѣрнымъ, тому мы напоминае
что періодъ миннезенгеровъ какъ разъ совпада
съ тѣмъ періодомъ, когда разбой въ Германіи д
стигъ полнаго разцвѣта, сталъ ремесломъ дворя
ства и назывался кулачнымъ правомъ; когда граб
купеческаго имущества, устройство заставъ на до
гахъ и водныхъ путяхъ для взиманія безсмысленны
пошлинъ, когда постоянныя распри дворянъ меж
собой и борьба съ развивавшимися городами, ист

ыми носителями средневѣковой культуры, являлись
стреимущественнымъ занятіемъ дворянства. О крѣ-
стостныхъ и рабахъ одинъ изъ миннезенгеровъ пѣлъ
о съ XII столѣтіи, конечно, въ полномъ согласіи со
лесѣмъ сословіемъ. Крестьяне и свиньи для меня
ерединаковы: они не могутъ воспринять любви. Ко-
е ечно! Дворянство въ сообществѣ съ духовенствомъ
ноозаботилось о томъ, чтобы отравить бѣдняку
каже любовь и семейную жизнь. Оно не довольство-
алось тѣмъ ужаснымъ экономическимъ гнетомъ,
ріоторый производился на народъ, а дополняло его
коравственными пытками, чтобы убить въ подчинен-
ваомъ послѣднюю искру человѣческаго достоинства.
енКенитьба крѣпостного или раба зависила отъ сог-
ѣтасія помѣщика, косвенно отъ фогта или управляю-
алаго. Такое разрѣшеніе въ лучшемъ случаѣ женихъ
ескогъ купить, уплативъ такъ называемый налогъ на
вженитьбу или бракъ, который поперемѣнно назы-
тевался налогъ на кровать, налогъ на шиллингъ,
отна рубашку, дѣвичья подать, налогъ съ передника
фат. д. Этотъ выкупъ былъ еще облегченіемъ, такъ
нѣвкъ по старому существовавшему еще праву вла-
аемтель имѣнія могъ изъявить притязаніе на jus pri-
дае ае noctis, т.-е. на право первой ночи. Правомъ
и димъ обладали какъ духовные, такъ и свѣтскіе
ор ластители и пользовались имъ въ удобныхъ для нихъ
бе учаяхъ. Оба сословія—дворянство и духовенство
доредавались всевозможнымъ нравственнымъ поро-
нымъ—духовные отцы, вслѣдствіе неестественнаго
еж збрачія (целибатъ) при праздной и роскошной
сти изни еще сильнѣе, чѣмъ свѣтскіе владыки. Сооб-

раженія чести и стыда для нихъ не существовали. Подобное положеніе дѣлъ—позоръ для человѣчества. Оно лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ унизительномъ положеніи, до котораго господствующій классъ довелъ подчиненный. Строго говоря, нашъ вѣкъ не имѣетъ никакихъ основаній возмущаться безнравственностью средневѣковья. Потому что нельзя забывать, что хотя мы отдѣлены многими столѣтіями отъ того печальнаго времени, хотя рабство, какъ и крѣпостничество давно уничтожены, и рабочій классъ, какъ классъ „свободный", можетъ продавать свою рабочую силу, хотя нигдѣ не существуетъ „права" на первую ночь, но въ дѣйствительности имъ достаточно часто пользуются. Кто хоть разъ заглянулъ въ мастерскія и фабрики, гдѣ работаютъ женщины, или знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ нашихъ большихъ имѣніяхъ, тотъ знаетъ что среди фабрикантовъ, помѣщиковъ и ихъ служащихъ немало лицъ, которыя ведутъ себя такъ, какъ будто считаютъ, что вмѣстѣ съ рабочей силой женщины они купили и ея честь. Таковы естественныя слѣдствія классоваго господства.

Раньше было указано насколько безплодно было дворянство по отношенію къ общему культурному развитію, было и должно было быть, и утверждалось, что духовенство сдѣлало немногимъ болѣе. Этотъ взглядъ противорѣчитъ обычному представленію, по которому средневѣковое духовенство обладаетъ значительными заслугами въ сферѣ просвѣщенія. Какъ выше было сказано, духовенство во всякомъ случаѣ въ то время являлось и сословіемъ